

А. Н. ГАЛЯМИЧЕВ, В. Ю. МИХАЙЛИН

Государственная власть и традиции воинских мужских союзов в славянском мире (к постановке проблемы)

Проблема, которую мы поставили перед собой в качестве темы задуманного на перспективу обширного междисциплинарного исследования, естественно, чересчур масштабна для того, чтобы хоть сколько-нибудь полноценно раскрыть ее в рамках небольшой статьи. По этой причине нижеследующие замечания имеет смысл рассматривать как своего рода пролегомены к будущей работе, как тот культурно-антропологический контекст, который в дальнейшем предполагается поверить обширным конкретным материалом, накопленным к настоящему моменту в интересующей нас области целым рядом смежных гуманитарных наук: историей, этнологией и этнографией, культурной антропологией, фольклористикой и т. д.

Место и функции воинских мужских союзов в структуре архаических обществ привлекают внимание исследователей на протяжении довольно-таки значительного периода времени. Еще в 1902 году Хайнрих Шурц опубликовал давно уже ставшее классическим исследование «Возрастные классы и мужские союзы» [Schurtz 1902]. Немецкая школа в изучении воинских союзов доминировала на протяжении всей первой трети XX века, уклоняясь в сторону изучения собственно германских исторических реалий. Так, в 1927 году выходит не менее интересная работа Лили Вайзер «Древнегерманские практики юношеских посвящений и мужские союзы» [Weiser 1927]. Примерно с середины века инициативу в этой области перехватывают англоязычные исследователи, работающие на самом разнообразном историческом и этнографическом материале и склонные воспринимать проблему более широко — с точки зрения вписанности мужских союзов в общую систему возрастных классов. В 1953 году выходит монография Адриана Принза «Восточно-африканские системы возрастных классов» [Prins 1953], в 1977-м — книга Фрэнка Хендерсона Стьюарда «Основы социальных сис-

тем, базирующихся на возрастных группах» [Steward 1977]. В последние десятилетия в этом направлении весьма плодотворно работает ряд специалистов по кельтской архаике. Достаточно назвать великолепную монографию Йозефа Фалаки Надя «Мудрость изгоя: юношеские подвиги Финна в гэльской нарративной традиции» [Nagy 1985] и весьма интересную большую статью Кима МакКона «Вервольфы, циклопы, *Diberga* и *Fianna*: юношеская делинквентность в древней Ирландии» в зимнем выпуске журнала «*Cambridge Medieval Celtic Studies*» за 1986 год [McCone 1986]. Внесли свой вклад в изучение архаических воинских союзов и отечественные исследователи. Достаточно упомянуть в этой связи статью А.И. Иванчика «Воинские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию» [Иванчик 1988]. На собственно славянском материале кругом проблем, так или иначе связанных с воинскими мужскими союзами занимаются болгарский историк Стефан Йорданов («Об организации пограничной охраны в эпоху Первого Болгарского царства» [Йорданов 1995], «Славяне и фисониты в «Диалогах» Псевдо-Кесария и феномен ликантропии в славянском обществе времен Великого переселения народов» [Йорданов 1998]), В. Г. Балушок («Инициации древних славян» [Балушок 1993], «Инициации древнерусских дружинников» [Балушок 1995]), Б. В. Горбунов («Традиционные рукопашные состязания в народной культуре восточных славян XIX – начала XX в.» [Горбунов 1997]) и другие исследователи. Однако, насколько нам известно, на сегодняшний день в том, что касается постановки вопроса о связи в славянском мире традиционных воинских институтов, основанных на мужских союзах, с государственной властью, обобщающих работ не существует.

Вопрос о месте и роли воинских мужских союзов в формировании систем государственной власти на территориях расселения славянских народов мы оставим на перспективу, ограничившись лишь самыми общими соображениями по этому поводу. Вопрос, который занимает нас прежде всего, касается уже сложившихся государственных образований и тех специфических отношений, которые с завидной регулярностью возникали на периферии этих государственных образований между центральной властью и контролирующими лиминальную зону сообществами, организация и способ существования которых четко соотносимы с организацией и способами существования архаических воинских союзов. Именно в этой области планируемое исследование претендует на создание прецедента системного аналитического рассмотрения заявленной проблемы.

Кроме того, исследование планируется как междисциплинарное и рассчитано на апробацию ряда экспериментальных гипотез, выдвинутых одним из соавторов и «обкатанных» в ряде работ, тематика которых лежит в области филологии, культурологии, социальной и культурной антропологии [Михайлин 1999, 2000, 2001, 2002а, 2002б, 2002в].

Начнем с места и функций воинских мужских союзов в структуре архаических сообществ, под которыми в дальнейшем мы будем понимать сообщества, более или менее соотносимые с гипотетической «центростремительной» моделью. Данная модель, выдвинутая в рамках пространственно-магистического подхода, предполагает наличие трех основных культурных зон: центральной (собственно «человеческая»), «культурная» зона, зона накопле-

ния рекреативного и «статусного» потенциала сообщества), промежуточной (зона «окультуренной» природы, изначально, видимо, женская пищевая территория, зона земледелия и «ближнего» скотоводства) и периферийной (зона «дикой, но поименованной» природы, мужская пищевая территория, зона войны, охоты и отгонного скотоводства). Каждая из этих зон обладает комплексом пространственно-магистических характеристик, связанных с имманентными им человеческими практиками, — то, что можно и должно в «Диком Поле» есть предмет табуистических запретов в зоне поселения. Существенную роль в пространственно-магистическом подходе играет также и гипотеза о «револьверной» организации человеческой психики в пространстве архаических культур, позволявшей — при отсутствии представления о постоянном и неизменном субстрате человеческой личности — «включать и выключать» свойственные той или иной пространственно-магистической зоне поведенческие модусы: при переходе границы между зонами человек «умирает» в одном качестве и «рождается» в другом. Его идентичность в данном случае есть идентичность не лично, но территориально обусловленная, а смена идентичности канонизируется в ритуалах перехода. Возрастная дифференциация архаических сообществ также четко соотносится с зонально-поведенческой дифференциацией, — что, в частности, имеет самое непосредственное отношение к системе практик, известных как воинские мужские союзы [Михайлин 1999: 230–233].

Еще одна базовая дихотомия, вычлененная в рамках пространственно-магистического подхода, определяет ведущие доминанты мужского поведения в центральной и периферийной зонах архаических центростремительных культур как, соответственно, «статус» и «судьбу», или, условно говоря, «долю старшего сына» и «долю младшего сына». Помимо экономических, социально-политических, военных и т. д. аспектов, эта дихотомия подразумевает еще и противопоставленность способов приобщения к «благу», «счастью», «удаче» и прочим составляющим синкретического понятия, покрываемого иранским термином *фарн*, которым мы и будем пользоваться в дальнейшем, заранее оговорив его условный характер применительно к другим эпохам и культурам.

Центральная, «статусная» зона связана с «количественным» преумножением родового *фарна*, с прокреативной магистикой, с культурами предков, обеспечивающими сохранность и преуспевание «домашнего» пространства, воспринимаемого в этой связи как сакральное. Периферийная зона, зона «судьбы», связана, во-первых, со статусной неустойчивостью и со стремлением вернуться в центральную зону за счет повышения — тем или иным способом — мужского статуса индивида, а, во-вторых, с возможностью «качественного» преумножения родового *фарна* через посредство сугубо воинских «героических» практик, включая героическую смерть.

Архаическое сообщество отличается крайней степенью ригидности и стабильности за счет четкой «вписанности» всех возможных потребностей, состояний и видов деятельности составляющих его индивидов в жесткую систему пространственно-магистических ориентиров. Кризис подобного сообщества может быть вызван только радикальной сменой семантической «наполненности» одной или нескольких пространственно-магистических зон, приводящей к очевидному дисбалансу базисной модели.

Подобная «революция» может быть следствием воздействия нескольких факторов. Во-первых, может резко измениться соотношение пищевой привлекательности базовых территорий, скажем, в связи с развитием отгонного скотоводства, в результате чего окраинная зона, «голодная» во всех физиологических и статусных смыслах, оказывается в состоянии обеспечить «приписанные» к ней группы населения средствами к существованию и самореализации. Данная коллизия становится еще более острой в случае с резким повышением «технической» мобильности маргинальных групп (мобильными с точки зрения базовых поведенческих практик они были всегда — в противоположность «статичному и статусному» центру), — мобильности, связанной, к примеру, с освоением колеса или верховой езды. Резко возросшая мобильность фактически лишает «внешнюю», «волчью» зону естественных внешних границ, и превращает в Дикое Поле весь мир — за исключением центральной, «культурной» его части, где продолжает жить и здравствовать традиционное сообщество.

Дальнейшие перемены — вопрос времени. С повышением мобильности маргинальных юношеских отрядов, «волчьих стай», неминуемо видоизменяются масштаб и цели набегов на соседние — пусть даже весьма не близкие — области с целью захвата добычи и повышения воинского статуса участников. С повышением же «мотивации» пребывания в маргинальном статусе («вольная» жизнь, «опьянение боем» как норма существования, возможность более быстрого достижения высокого социального — и экономического — статуса) возрастает притягательность периодического «возвращения» взрослых статусных мужчин в «Дикое Поле», и, следовательно, начинает меняться базовая система ценностей. Крайней формой развития по этой линии является формирование номадических культур, в которых маргинально-воинский способ существования становится единственно почетной и достойной матрицей мужского поведения.

Другим источником изменения семантической наполненности и привлекательности маргинальной зоны может стать соседство с другим, более развитым человеческим сообществом. В этом случае область концентрации фарна так или иначе смещается из собственного «культурного» центра в «чужой» центр, следствием чего является, во-первых, маргинализация собственных пространственно-магистических зон, а, во-вторых, варваризация собственной культуры, принимающей, пользуясь термином Н. Н. Крадина, «ксенократический» характер, ориентированный на дистантную эксплуатацию чужого сообщества [Крадин 2002]. Извечная проблема «варваров», свойственная любой ранней империи, являет собой лучший пример именно такого развития событий. До тех пор, пока динамично расширяющаяся империя рассматривает свои окраинные территориальные приобретения как пищевые территории, находящиеся под ее контролем, но не являющиеся составной частью сакрализованной метрополии (римские провинции времен поздней Республики), эти территории служат в качестве своего рода буферной зоны, в которой давление изнутри и давление снаружи уравновешены общими маргинально-воинскими «правилами игры». Но как только метрополия расширяет себя вплоть до лимеса, ситуация кардинально меняется, и метрополии так или иначе приходится обслуживать варварскую перифе-

рию. В этом смысле первотолчок к Великому переселению народов в западной части евроазиатского континента дали процессы, происходившие в самой Римской империи, — за счет разрушения структуры и маргинализации сообществ, образующих все более обширную и быстро «варваризирующуюся» зону вокруг римского лимеса. В этом случае традиционные сезонные «походы за зипунами», обычно являющие собой прерогативу юношеских «волчьих» банд и навечно приписанных в «волчий» статус люмпенизированных элементов, быстро превращаются в основной способ существования для значительной части мужского населения — если и не для всего народа целиком. Да и само содержание подобных практик существенно меняется. Походы утрачивают жесткую привязанность к сезону, приобретают исходно несвойственный им массовый характер, и целью их является уже не столько повышение мужского статуса участников, сколько «продление судьбы», находящее выражение в профессиональном наемничестве и в формировании воински-аристократических элит. Последние волны данного процесса продолжали накатывать на бывшие имперские земли еще долгие века после того, как не стало самой Западной Римской империи (впрочем, Византия еще долго сохраняла за собой привычную роль раздражителя и вождя сродни средоточия фарна). Северные германцы, славяне, мадьяры, а также спорные по этническому субстрату военизированные сообщества вроде дунайских болгар, восточноевропейских варягов и т. д. наперебой спешили приобщиться к имперскому фарну.

Третьим, и наиболее радикальным источником смены архаической парадигмы является военный разгром и изгнание с коренной территории. В подобном случае вынужденная утрата сакрального центра и принудительная маргинализация могут привести к известному «эффекту домино», при котором разгромленные на своей исторической прародине племена становились бичом божьим для следующих, встреченных по дороге сообществ.

Как бы то ни было, но практически во всех известных нам случаях путь от архаического сообщества к образованию государственных властных структур проходит через формирование воинских элит, традиционной формой организации которых являются мужские союзы, — и, следовательно, через временную маргинализацию центральной, сакральной культурной зоны, либо же через основание центра будущего государства на новом месте, на вновь захваченной территории, самый пространственно-магистический статус которой делает здесь воинскую элиту законной хозяйкой и правообладательницей. Этот принцип работает в огромном количестве известных нам исторических ситуаций. Так, та же — с типологической точки зрения — ситуация возникает, на наш взгляд, и в западноевропейском ареале, в середине — второй половине первого тысячелетия нашей эры, когда племенные дружины (по преимуществу, германских) народов постепенно превращаются в основной класс будущей средневековой Европы, класс военной аристократии, могущество которой основано, в первую очередь, на поместном землевладении и на ленном праве. В самом деле, грабительские набеги германских дружин на пограничные области Римской империи оставались, по преимуществу, именно грабительскими, «волчьими» набегами до тех пор, пока военные и политические структуры римлян были в состоянии сдержи-

вать натиск Великого переселения народов. Но как только главной добычей сделался не скот и не металл, а земля, германская племенная организация претерпевает на новых землях резкое структурное изменение, причем доминирующими оказываются именно законы «стаи». Земля не распределяется между родами и не становится общеплеменной собственностью (как правило — со всеми известными оговорками и исключениями). Она в конечном счете распределяется по тем же законам, по которым происходит обычный раздел взятой «стаей» добычи. Более того, с магической точки зрения она остается собственностью всей стаи, а, следовательно, ее вожака, — что и выражается в самой структуре ленного права, где право на индивидуальные «зимние квартиры» уравнивается требованием постоянной боеготовности и обязательным отбытием определенного (сезонного!) срока в составе «стаи». «Зимние квартиры» теперь отделены от традиционного культурного центра, они вынесены в само «Дикое Поле», и способ существования военной аристократии — даже в мирное время — становится совершенно иным. Формально сохраняемая «периодичность» стайной фазы и фазы «дома и храма» по сути модифицируется, ибо весь жизненный уклад будущего европейского рыцарства строится отныне на совершенно «волчьих» основаниях. Война становится если не единственным, то уж во всяком случае основным занятием дворянина — и единственным «достойным» его занятием. Агрессивность поведения становится культурной нормой и утверждается в категориях «дворянской чести». Система воспитания подрастающего поколения сохраняет ряд инициационных этапов, с той разницей, что смысл инициации претерпевает существенные изменения. Она больше не есть путь к изобильному, мирному и прокреативному «центру». Она — переход от «щенячьей» стадии (паж, кнехт, оруженосец) к стадии полного воинского воплощения, и акколада есть посвящение в профессиональные «волки».

Впрочем, при организации государственных (и даже псевдогосударственных, как в случае с кочевыми империями) структур, воинские элиты сталкиваются с проблемой легитимации собственного статуса и сакрализации центра вновь образованного государства — особенно в тех случаях, когда подобный центр не совпадает с «исходным», архаическим. Отсюда особая обеспокоенность законностью и «святостью» генеалогий правящих династий (ср. готские Амалы и Балты, кабардинские Куденеты, хуннские Люанди и т. д.), само происхождение которых практически обязательно вписывается в логику сакрального мифа и жестко связывается с особым, присущим именно этому роду «царским фарном» (тюркское *кут*, монгольское *хууд* и т. д.). Формирование сакрального центра при сохранении воински-аристократической модели организации государства требует «совместимости несовместимого» — а именно, взаимопроникновения двух противоположных культурных модусов, одного, основанного на «статусе», и другого, основанного на «судьбе». Отработка взаимодействия двух этих модусов зачастую приводит к возникновению сложно организованных «куртуазных» культур, основанных на одновременном — игровом — использовании различных по происхождению культурных кодов.

Еще одна проблема, с которой сталкивается государство, управляемое воинскими элитами, это неизбежность экспансии и, как вероятное следствие,

расширение территории. Помимо чисто военных и экономических проблем, данное обстоятельство создает еще и проблему «дробности элит». С расширением территории, во-первых, неизбежно формируются локальные воинские элиты, связь которых с конкретной «маркой» со временем становится сильнее связи с центром (позднеримские дуксы и цезари; маркграфы при поздних Каролингах – и общеевропейская тенденция к феодальной раздробленности); во-вторых, столь же неизбежно образуется «новый лимес», т.е. зона, продуцирующая «традиционные», «архаичные» по сравнению с «окультуренными» правящими элитами воинские сообщества. При возникновении любого системного кризиса и, в первую очередь, кризиса доверия к правящей элите (т.е. при утрате ей магической санкции на общегосударственный фарн), именно региональные элиты и лиминальные воинские сообщества становятся главными претендентами на участие в реструктуризации власти.

В этой связи особый интерес приобретает проблема, выдвинутая нами в качестве темы будущего исследования. Славяне, как уже было сказано, достаточно поздно по сравнению с другими соседними индоевропейскими (и не только индоевропейскими) народами, вступили в пору кризиса традиционных архаических сообществ – а потому их воинские элиты вышли на европейскую политическую арену в несколько более архаическом, по сравнению, скажем, с западноевропейскими аналогами, виде. Кроме того, общая «пограничность» славянских земель в европейском ареале способствовала, во-первых, регулярному влиянию еще более ригидных воинских культур, вроде тюрко-монгольских, а, во-вторых, не менее регулярной регенерации в маргинальных зонах, а также при распаде центральных государственных структур, воинских сообществ, основанных на вполне архаичных моделях. Причем в последнем случае речь прежде всего идет именно о самоорганизации славянских сообществ в условиях маргинализации культурного пространства.

Так, европейский кризис второй половины XIV века, связанный в том числе с ослаблением сакрального центра (двое, затем трое пап) и с возрождением хилястических ожиданий, породил на славянской окраине католической Европы (куда Карл IV Люксембург недавно перенес столицу Священной Римской Империи)¹ гуситское движение. Гуситский кризис начался как религиозно-политическое движение, но стоило только ситуации выйти из-под контроля государственной власти, и славянский Табор буквально в течение двух-трех лет самоорганизуется по законам классического воинского мужского союза, сохранив религиозно-реформаторскую составляющую разве что в качестве легитимирующей основы. Уже к середине 1420-х годов Табор превратился в классический центр варварской разбойничьей республики, откуда совершались вылазки в области, достаточно далекие от коренных чешских земель, и с целями, ничего общего не имеющими с пропагандой ка-

¹ Ср. с другими, с завидной регулярностью возникающими практиками по переносу столиц в откровенно маргинальную зону: так окраинная Пелла становится столицей новой Македонии Филиппа II, окраинная Вена становится столицей Восточной марки, окраинный Белград – центром Сербского царства, Санкт-Петербург нарочно строится в откровенно маргинальной зоне, знаменуя начало новой эры в российской истории.

ких бы то ни было религиозных догматов. Лидерами непримиримых таборитов становятся харизматические личности вроде профессионального кондотьера Яна Жижки. Закончились гуситские войны, как известно, переформатированием воинских элит на местном уровне, что вполне устроило гуситскую шляхту, — после чего она сама помогла добить или выдавить из Чехии остатки бывших «братьев».

Интересно и дальнейшее развитие этого, возникшего в крайней западной точке славянского мира, импульса к реанимации архаических воинских сообществ. Уже в 1440-е годы в соседней с Чехией Словакии начинается восстание «братиков», выстроенное по откровенно таборитской модели и направляемое профессиональным кондотьером Яном Искрой. После переформатирования местных элит, верховный гетман венгерского королевства, гетман Верхней Крайны и верховный гетман Австрийской земли, граф Шаришский Ян Искра усердно помогает уничтожать и выдавливать в соседние украинские земли недобитых «братиков» — среди которых, кстати, с самого начала было подозрительно много украинцев. Примерно к этому же времени, очевидно, относится и образование «украинского Табора» — Запорожской Сечи, о роли которой в «ничейном» лиминальном треугольнике между Ржечью Посполитой, Московским царством и Крымским ханством написано вполне достаточно. Впрочем, не лишним будет вспомнить о том, что уже после вхождения Украины в состав России украинское дворянство формируется именно из верхушки маргинального воинского мужского союза, зафиксированного как таковой в массе источников — как и о массе связанных с формированием данной маргинальной элиты проблем, многие из которых аукаются российской государственности по сию пору.

Предметом рассмотрения с точки зрения отношений с центральной государственной властью станут также такие культурные феномены как чешские ходы, австрийские граничары, балканские гайдуки, русские казаки (а также приравненные к ним на тех или иных этапах российской истории народы вроде башкир и калмыков) — а кроме того, ряд особенностей «самоорганизации масс» во время кризиса 1917 — 1920 годов, российских армейской и воровской субкультур.

Библиография

- Балушок 1993 — *Балушок В. Г.* Инициации древних славян — Этнографическое обозрение, 1993, № 4.
- Балушок 1995 — *Балушок В. Г.* Инициации древнерусских дружинников // Этнографическое обозрение, № 1, 1995.
- Горбунов 1997 — *Горбунов Б. В.* Традиционные рукопашные состязания в народной культуре восточных славян XIX — начала XX в. Историко-этнографическое исследование. М., 1997.
- Иванчик 1988 — *Иванчик А. И.* Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию — Советская этнография. 1988. № 5.
- Йорданов 1995 — *Йорданов С.* За организацията на граничната охрана в епохата на Първото българско царство. — 1100 години Велики Преслав. 1. Шумен, 1995.

- Йорданов 1998 – *Йорданов С.* Славяни и фисонити от «Диалози» на Псевдо-Кесарий и феноменът на ликантропията в славянското общество от времето на Велико-то преселение на народите. – Славистични проучвания. Сборник в чест на XII международен славистичен конгрес. Велико Търново, 1998.
- Крадин 2002 – *Крадин Н. Н.* Империя хунну. 2-е изд. М., 2002.
- Михайлин 1999 – *Михайлин В. Ю.* Избыточность: исходный социокультурный смысл. – Культура, власть, идентичность: новые подходы в социальных науках. Саратов, 1999.
- Михайлин 2000 – *Михайлин В. Ю.* Русский мат как мужской обценный код: проблема происхождения и эволюция статуса. – НЛЮ, № 43 (2000/3).
- Михайлин 2001 – *Михайлин В. Ю.* Между волком и собакой: героический дискурс в раннесредневековой и советской культурных традициях. – НЛЮ, № 47 (2001/1).
- Михайлин 2002а – *Михайлин В. Ю.* Понятие «судьбы» и его текстуальные репрезентации в контексте архаических и «эпических» культур. – Жанры речи, Вып. 3. Саратов, 2002.
- Михайлин 2002б – *Михайлин В. Ю.* Бойцы вспоминают минувшие дни: скифский сюжет у Геродота. – TextOnly, № 10, август 2002 ()
- Михайлин 2002 в – *Михайлин В. Ю.* Золотое лекало судьбы: пектораль из Толстой Могилы и проблема интерпретации скифского звериного стиля. – Власть, судьба, интерпретация культурных кодов. Саратов, 2002.
- McCone 1986 – *McCone, Kim R.* «Werewolves, Cyclopes, *Diberga* and *Fianna*: Juvenile Delinquency in Early Ireland». – Cambridge Medieval Celtic Studies, 12 (Winter 1986)
- Nagy 1985 – *Nagy, Joseph Falaky.* The Wisdom of the Outlaw: The Boyhood Deeds of Finn in Gaelic Narrative Tradition. Berkley. 1985.
- Prins 1953 – *Prins, Adriaan H. J.* East African Age-Class Systems. Groningen, 1953.
- Schurtz 1902 – *Schurtz, Heinrich,* Alterklassen und Männerbünde. Berlin, 1902.
- Steward 1977 – *Steward, Frank Henderson,* Fundamentals of Age-Group Systems. New York, 1977.
- Weiser 1927 – *Weiser, Lily,* Altgermanische Jünglingsweihen und Männerbünde. Bühl, 1927.